

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Дискурс как речевое пространство

Ю. В. ЩЕРБИНИНА

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Статья посвящена анализу дискурсивных аспектов речевой деятельности с позиций архетипического. Представлена пространственно-полевая модель описания дискурса. Дается комплексное методологическое обоснование предлагаемой модели в системе понятий когнитивной семантики (в частности, теории прототипов), лингвокультурологии, лингвофилософии.

Ключевые слова: дискурс, речь, пространство, поле, модель, архетип, прототип, метафора.

Discourse as a Speech Space

J. V. SHCHERBININA

(MOSCOW PEDAGOGICAL STATE UNIVERSITY)

The article deals with the analysis of discourse aspects of speech activity from the positions of archetypical. Spatial and field model of discourse description is presented. The article gives a complex methodological substantiation of the suggested model in the system of concepts of cognitive semantics (in particular, in the theory of prototypes), linguistic and cultural studies, linguistic philosophy.

Keywords: discourse, speech, space, field, model, archetype, prototype, metaphor.

Генезис термина «дискурс» подробно описан во многих как отечественных, так и зарубежных исследованиях. Обобщая данные разных научных подходов, можно говорить о многозначности и динамичности данного термина в аспекте его семантического варьирования. В наиболее общем виде дискурс со всеми его структурно-содержательными компонентами можно рассматривать с теоретической стороны — как наиболее общий уровень лингвистического и речеведческого представлений процессов мысли-речи; в практическом отношении — как опо-

средующую прослойку между лингвистическими и собственно коммуникативными структурами, дающую онтологические и гносеологические потенции — возможности рефлексии языкового сознания.

По нашему мнению, основная сложность уточнения общего определения дискурса и разработки частных структурно-содержательных моделей его описания заключается в том, что данное понятие входит в арсенал метаописательных средств и в связи с этим толкуется через уже имеющиеся, притом нередко смежные, понятия, функционирую-

* Щербинина Юлия Владимировна — доцент, кандидат педагогических наук; доцент кафедры риторики и культуры речи Московского государственного педагогического университета. Тел.: (495) 311-59-15. Эл. адрес: ad_stefan@rambler.ru

щие в самых разных научных областях и — уже — традициях научного употребления («язык», «текст», «речь», «общение», «коммуникация», «диалог», «взаимодействие»). Подобная практика, эффективная в частно-прикладных исследованиях, представляется малопродуктивной в теоретических изысканиях, поскольку, во-первых, создает проблему терминологической избыточности термина «дискурс» (целесообразности его применения наряду со смежными и близкими в семантическом отношении); во-вторых, вносит эклектизм в терминологическую систему, что, в свою очередь, неизбежно приводит к неточностям толкования и размыванию самого понятия дискурса — аморфности его содержания и границ употребления в научном тексте. К тому же, как показывает анализ научных источников, в большинстве работ предлагаются *операциональные* модели описания дискурса (применимые в узконаправленных практических исследованиях) при отсутствии моделей *объясняющих* — раскрывающих феноменологическую сущность дискурса и выявляющих глубинные речемыслительные механизмы его развертывания.

В качестве наглядно действующей методологической модели нами предлагается *пространственно-полевая* модель описания дискурса, предполагающая обобщенно-целостное представление данного феномена как *«речевого пространства»*, в проекции на реальную действительность — *«поля речи»*, локализация которого определяется конкретной сферой коммуникации, в частности культурно-профессиональной средой, внутри которой возможно выделение частных дискурсных модусов.

В рамках предлагаемого подхода дискурс предстает как понятие, которое, в свою очередь, с той или иной степенью адекватности может быть соотнесено с последовательно и регулярно употребляемыми терминосочетаниями, обозначающими непосредственную область развертывания дискурса, а именно: «коммуникативное пространство», «языковая действительность», «речевая реальность» (уже — «речевая среда»), «простран-

ство языка (мысли, текста)». Особняком в этом ряду стоят понятия «языковое существование» и «логосфера». Первое предложено Б. М. Гаспаровым в качестве термина для обозначения «продолжающегося на протяжении всей жизни личности процесса ее взаимодействия с языком», в котором язык «выступает одновременно и как объект, над которым говорящий постоянно работает, приспособлявая его к задачам, возникающим в его текущем жизненном опыте, и как среда, в которую этот опыт оказывает погружен и в окружении которой он совершается» (Гаспаров, 1996: 5). Понятие логосферы, в наиболее общем виде определяемое как «речемыслительная область культуры», «единая структура мысли и речи» (Михальская, 1996: 32, 33), было введено Р. Бартом («Война языков», 1975) и в настоящее время уже достаточно прочно закрепилось в целом корпусе современных гуманитарных исследований.

Предлагаемое нами описательное представление дискурса как пространства мысли-речи соотносится с указанными номинациями в логической системе «форма/содержание»: речевая действительность (логосфера) в лингворечеведческом представлении — это внешняя форма дискурса; в социолингвистическом, культурологическом — его социальная «оболочка», общественный конструкт.

В целях наиболее наглядного метафорического представления речевого поля как спроецированной на плоскость теоретического описания репрезентации целостно-обобщенного концепта «Пространство» воспользуемся дефиницией, предложенной Е. С. Кубряковой: пространство — это «обобщенное представление о целостном образовании между небом и землей (целостность), которое наблюдаемо, видимо и осязаемо (имеет чувственную основу), частью которого себя ощущает сам человек и внутри которого он относительно свободно перемещается или же перемещает подчиненные ему объекты; это расстилающаяся во все стороны протяженность, сквозь которую

скользит его взгляд (про-стран-ство) и которая доступна ему при панорамном охвате в виде поля зрения при ее обозрении и разглядывании» (Кубрякова, 1997: 26). Экстраполируя данное описание на реальную речевую действительность, получаем следующее: дискурс — это пространство непосредственного развертывания речи в заданном локусе (определенной сфере) коммуникации.

Множественные и многообразные внутренние и внешние связи дискурса реализуют его синтактику (как связь знака с другими знаками) и определяются нами как «силовые линии» речевого поля, по которым проходят относительно целенаправленные и в той или иной степени упорядоченные речевые потоки. Сравним в данном отношении один из переводов лат. *discursus* — «бегать туда-сюда» наряду с «рассуждение», «беседа». Обобщая данные анализа употребления слова в латинских источниках, В. З. Демьянков приходит к выводу о том, что «*discursus* как философское понятие — челочная процедура от известного к неизвестному и обратно» (Демьянков, 2005: 36).

Силовые линии дискурса обеспечивают его целостность и одновременно поддерживают динамичность. Такие линии, очевидно, можно условно рассматривать как отрезки между двумя точками «речевого притяжения», определяемыми нами как *точки бифуркации* (лат. *bifurcus* — «раздвоенный») — позиции раздвоения, разделения, разветвления дискурсных потоков. В этих точках производятся операции коммуникативного выбора (предпочтения того или иного речевого действия, изменение речеповеденческой тактики), что приводит к качественным изменениям и преобразованиям речевого поля. К таким изменениям и преобразованиям относятся прежде всего *а) интенциональные* (изменение или варьирование мотивационных и/или целевых установок участника(-ов) дискурса); *б) модусные* (смена регистра дискурса и/или переход к другому типу (модусу) дискурса); *в) смысловые* (изменения в развертывании содержания, смена темы речи или отклонение от нее, переход к ново-

му аспекту (развитие новой идеи) предмета речи и т. п.).

Как справедливо отмечено В. Н. Топоровым, «набор путей данного пространства определяет пространство с точки зрения его проходимости-преодолимости, является сжатым итогом динамических потенций этого пространства, его конструктивных возможностей и недостатков, которые со временем могут стать *locus*'ом деструктурирующих тенденций в данном пространстве» (Топоров, 1983: 270). Особо отметим в этой связи синонимию отдельных значений лексем «точка» и «пункт» (нем. *Punkt* — точка, пункт) и наличие в структуре лексического значения общей семы вынужденной активности — как изменения состояния, побуждения к действию (ср. устойчивые сочетания: «отправная точка», «поворотный пункт» и подобные)¹.

Таким образом, в описательном представлении пространства особую структурную нагруженность и функциональную значимость приобретают понятия *места* и *точки*. Вслед за Е. С. Кубряковой определяем первое понятие «через представление о части пространства, занимаемого объектом и ограничиваемая им» (Кубрякова, 1997: 27). В предлагаемой нами модели дискурс-анализа понятие точки, помимо указанного значения, приобретает специфический смысл: с одной стороны, точка дискурса может быть определена как та или иная позиция в речевом поле (в данном контексте можно говорить о терминологической аналогии с понятием «сильные позиции текста»); с другой стороны, особые точки дискурсивного пространства (точки бифуркации) выполняют функцию маркера, указывающего на разветвление силовых линий речевого поля, по которым проходят основные речевые потоки того или иного дискурсного модуса.

Силовые линии проходят через точки бифуркации по *кластерному принципу* — расходятся наподобие пучков (англ. *clusters* — букв. «скопление»). Точки бифуркации в речевом поле рассматриваются нами как исходные пункты формирования и/или разрас-

тания (распространения) речевых потоков. Отсюда следует, что само речевое поле формируется по кластерному принципу: отдельные его элементы «упакованы» в общем дискурсном пространстве по принципу кластеров — как частных сегментов речевого поля, группирующихся преимущественно вокруг точек бифуркации.

На основании указанных положений можно выдвинуть следующую гипотезу: как деструктурирующие, так и гармонизирующие дискурс процессы и явления наиболее частотны в точках бифуркации — позициях осуществления операций коммуникативного выбора. Нарушение дискурсных связей («ослабление» и/или «разрыв силовых линий») приводит речевое поле к состоянию дисгармонии.

Методологическая целесообразность и продуктивность предлагаемой модели описания дискурса обосновываются комплексным подходом к дискурс-анализу, учитывающему концептуальные достижения не только лингвистических и речеведческих наук, но и смежных дисциплин и интегративных комплексов, в частности *лингвокультурологии* (Б. Кассен, В. Н. Топоров, О. С. Степанов, Б. М. Гаспаров, В. Ю. Михайлин, А. А. Брудный, В. З. Демьянков и др.); *лингво-философии* (Г.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер, Х. Розеншток-Хюсси, М. Бубер, М. К. Мамардашвили, В. В. Прокопенко, В. А. Подорога, Д. И. Руденко, и др.); школы дискурс-анализа в *структурализме и постструктурализме* (Ж. Деррида, Р. Барт, П. Анри, М. Пеше, М. Фуко и др.); *когнитивной семантики* (Дж. Лакофф, Ж. Фоконье, М. Джонсон, А. Ченки, А. Е. Кибрик и др.) и — как частных ее направлений — *прототипической семантики* (Л. Витгенштейн, Х. Патнам, Г. Кларк, Т. Гивон и др.) и *теории прототипов* (Э. Рош, К. Штумпф, М. Мерло-Понти и др.). Такой интегративно-комплексный подход позволяет описать дискурс как понятие архетипическое и выявить его первообразную — «матричную» — структуру, заключающую в себе универсалии речемышления и ценностные коммуникативные смыслы того или иного типа культуры.

В собственно методологическом отношении мы выстраиваем свои теоретические изыскания в русле когнитивной семантики и непосредственно опираемся на теорию прототипов — как подход, основанный на предположении о том, что «присущая человеку ментальная процедура категоризации в существеннейшей степени опирается на человеческий опыт и воображение — на особенности восприятия, моторной активности и культуры, с одной стороны, и свойства метафоры, метонимии и ментальной образности — с другой» (Лакофф, 1995: 147). Понимание значения в теории прототипов мы, вслед за В. З. Демьянковым, связываем с «обращением к экземпляру или прототипу, а не с контрольным списком условий, которым должна удовлетворять языковая форма, чтобы считаться удачно или правдиво употребленной. Этот прототип заложен в человеческой мысли от рождения, он не анализируется, а просто «дан» (презентирован или продемонстрирован)» (Демьянков, 1995: 275).

Очевидно, что в системе современных гуманитарных дисциплин теория прототипов как хронологически, так и содержательно в известной степени соотносится с концепцией архетипов коллективного бессознательного К. Г. Юнга, утверждавшего, в частности, что «формами придания смысла нам служат исторически возникшие категории, восходящие к туманной древности, в чем обычно не отдают себе отчета. Придавая смысл, мы пользуемся языковыми матрицами, происходящими, в свою очередь, от первоначальных образов» (Юнг, Фуко, 2007: 102). Очевидно также и то, что базовые концептуальные положения теории прототипов реконструируются из идеалистической теории Платона (учения об «эйдосах»), развивая ее в сторону гибкости и последовательности методологического подхода. Однако если Платоном выдвигалась идея семантического «списка значений» (checklist) — критериев, жестко необходимых для правильного именованя объектов (слово либо обозначает данную вещь, либо нет), то в рамках

современного научного представления принято полагать, что «категории языка не всегда, а возможно, и редко, определяются в терминах одной или нескольких (немногих) отличительных особенностей, необходимых и достаточных в качестве критерия именования» (Кубрякова, 1996: 141).

Прототипический подход используется нами прежде всего на основании того, что понятие архетипа напрямую восходит к античной традиции, с помощью которой мы пытаемся реконструировать прото-дискурс. В данном отношении можно считать, что архетип — «пояснительное описание платонического понятия идеи» (Юнг, Фуко, 2007: 77). Слово «идея», в свою очередь, имеет прямое этимологическое родство со словом «идеал», которое в наиболее общем виде соотносится с представлением о гармонии. В этой связи общую методологию нашего исследовательского подхода можно представить как обоснование логико-семантической последовательности базовых понятий дискурс-анализа: *архетип > идея > идеал > гармония*.

Прототипическое представление дискурса постулируется нами как целесообразное в теории его лингво-риторического описания и продуктивное в практике гармонизации. Уточним, что само понятие архетипа в русле проблематики нашего исследования определяется не как «типы коллективного бессознательного» в психоаналитической концепции К. Г. Юнга (Юнг, Фуко, 2007: 75–111), а в русле современных лингвокультурологических исследований — как «воспроизводимый в психике людей способ связи вещей, их исходный контур», «предельно обобщенные формы образного сознания» (Брудный, 2005: 58–59) — т. е. как общекультурные универсалии мысли-речи, отраженные в языке цивилизационные константы.

Итак, опираясь на базовые положения теории прототипов, можно предположить, что современная речевая картина мира имеет прототип — прото-дискурс, матрицу, первообразную структурно-семантическую модель. В этом отношении гармонизация дис-

курса в самом общем смысле имеет целью приближение к этому прототипу². Именно поэтому «речь может измеряться как «ясная», «точная» и т. д., так как это осуществление, протекая в конкретных рамках, может деформироваться» (Аристотель, 2007: 242).

Для непосредственного выявления дискурсных архетипов в русле избранного нами общего методологического подхода необходимо прежде всего выделить «первометафоры» (термин М. К. Мамардашвили) или «концептуальные метафоры» (термин Е. О. Опариной) представления и описания речемыслительных процессов и проследить динамику их семантического развертывания в научном тексте. Общим обоснованием такой логики теоретического описания является то, что в системе приемов когнитивной семантики категории языковых значений рассматриваются как итог процесса метафоризации. Так, в структуре и содержании концептуальных метафор Дж. Лакоффом были выделены две области указания на окружающую действительность: донорская зона (область-источник концептуализации — source) и реципиентная зона («область-мишень — target) (Лакофф, 1995: 119–120). Применяя данное положение когнитивной семантики к объекту нашего исследования — дискурсу, можно выдвинуть утверждение о том, что речевая реальность становится в XX в. одной из наиболее последовательно явленных областей концептуализации *пространственной метафоры*, основную таргет-группу которой составляют дискурсивные процессы, речемыслительные механизмы и самые разнообразные репрезентации языкового/речевого опыта.

Сопоставительный анализ современных отечественных и зарубежных исследований показывает, что реализация пространственной метафоры для объяснения и описания речемыслительных процессов регулярно и достаточно последовательно фиксируется в научных работах, причем с наибольшей частотностью — в работах по лингво-социологии и лингво-философии языка. Актуали-

зация концепта «пространство» специально исследуется Е. С. Кубряковой, сформулировавшей данную проблему как вопрос «возможности перенесения языка пространства на пространство языка» (Кубрякова, 1997: 23). Непосредственному исследованию пространственной метафоры посвящены, в частности, работы О. Н. Селиверстовой, Е. Г. Борисовой, О. П. Ермаковой, Г. Е. Крейдлина, Г. И. Кустовой, В. Н. Топорова и др. Частные реализации пространственной метафоры нетрудно обнаружить как в отдельных определениях, так и в развернутых научных суждениях о языке и речи, например: «единое пространство великой игры языка» (Фуко, 2007: 396–397); «часть общего пространства, занимаемая речью» (Кассен, 2000: 12); «коммуникативный ландшафт» (Гаспаров, 1996: 105); «пространство коммуникативно ориентированной человеческой речи» (Михайлин, 2005: 350).

Особо показательным примером развертывания пространственной метафоры в русле лингвистических исследований можно считать теорию когнитивных моделей («ментальных пространств») Ж. Фоконье, внедрившего в научный оборот понятия «триггер» (модель непосредственно данной реальности) и «таргет» (ментальная сущность, связанная с человеческим восприятием того же объекта или подобной ситуации в новых условиях и отражающая мнение, опыт, знания человека, связанные с новым представлением), совокупность которых создает идеальную когнитивную модель (ИКМ) и указывает на соотношение «ментальных пространств», «структур ментального лексикона», отражающие человеческое понимание гипотетических и вымышленных ситуаций и помогающие «глубже проникнуть в проявления дискурса» (Fauconnier, 1998: 1).

Наряду с этим результаты системного анализа научных источников в целом свидетельствуют о том, что в речеведческих и лингвистических работах пространственно-полевое представление о дискурсе если и артикулировано, то до сих пор не представлено в последовательном и притом соб-

ственно терминологическом употреблении, а в конкретных описательных подходах к анализу дискурса — не отражено системно. Между тем уже самые общие лингвистические и этимологические разыскания показывают, что пространственное представление речи имплицитно содержится и последовательно реконструируется в целом ряде общеупотребительных русских устойчивых сочетаний, например: «в двух словах» (рассказать о чем-то), «одним словом» (передать смысл чего-либо) / ср. «в двух часах» (езды, ходьбы). В подобных оборотах слово выступает в значении «единицы измерения» речевого пространства и одновременно «объема смысла», «вместилища содержания»³.

Помимо этого, еще с эпохи Аристотеля науке известен «фетиш определения в одной фразе» (Брудный, 2005: 117). Следуя этой дефинитивной традиции, воспользуемся понятием «логос» для реконструкции из него частных смыслов, ценностных для античного языкового сознания и методологически значимых для обоснования предлагаемой нами модели дискурс-анализа. Так, в системе античных воззрений *logos* мыслится как «непрерывная речь» (Кассен, 2000: 94) — т. е. пространство развертывания речи и одновременно словесное воплощение данного пространства (как форма его «высказывания», «слововыражения», способ «говoreния о нем»). Данное положение наглядно иллюстрирует анализ репрезентативных текстов, например, «Поэмы» Парменида. Так, «Поэма провозглашает правила отношений между бытием и речью... Бытие... высказывается одновременно как *muthos*, имя собственное и герой Поэмы, изолированное слово, назначение которого — именовать заманчивый путь истины и убеждения... и как *logos*, то, что дает повод для отношения, сочетания и синтаксиса, — сам дискурс...» (Кассен, 2000: 33). Таким образом, античный логос прототипически мыслится организованным и упорядоченным речевым пространством, являя себя как поле речи («горизонталь» дискурса) и одновременно поле бытия («вертикаль» дискурса).

Помимо этого, «у греков было прекрасное слово для обозначения ситуации, когда в понимании мы наталкиваемся на препятствие, они называли ее *аторон*. Это значит, собственно, «лишенное места», то есть то, что не укладывается в схемы наших ожиданий и потому озадачивает» (Гадамер, 1991: 45). Таким образом, попадание в точку бифуркации в предлагаемой нами описательной модели дискурса соотносимо с гадамеровской «озадаченностью», «побуждающей нас к размышлению невозможностью продвинуться вперед», и как следствие — с необходимостью принятия решения и неизбежностью ментального и коммуникативного выбора.

Итак, предлагаемая пространственно-полевая модель описания дискурса позволяет решить ряд общетеоретических и конкретно-прикладных исследовательских задач, проследить динамику функционирования отдельных структур дискурса и логику изменения его содержательных компонентов на различных этапах исторического развертывания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. также: связь концепта «место» в русской речевой культуре со значениями «метка», «кол», центр «нашего мира» (Степанов, 1994: 11).

² Ср. также платоновское понятие энтелехия — «степень соответствия осуществления речи ее эйдосу».

³ Ср. также раскрывающие пословичные метафоры с общим лексическим значением «перемещение в пространстве»: «Ходят разговоры...»; «Бродят слухи...»; «Летит молва...»; «Слово... вылетит — не поймаешь»; «Слово — стрела...»; «Verba volant» (лат. «Слова летучи»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брудный, А. А. (2005) Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт.

Гадамер, Г.-Г. (1991) Актуальность прекрасного. М.: Искусство.

Гаспаров, Б. М. (1996) Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение.

Демьянков, В. З. (1995) Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Ин-т языкознания; Российский гуманитарный университет. С. 239–320.

Демьянков, В. З. (2005) Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур. С. 34–55.

Кассен, Б. (2000) Эффект софистики. М.; СПб.: Университетская книга.

Кубрякова, Е. С. и др. (1996) Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ.

Кубрякова, Е. С. (1997) Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 56. № 3. С. 22–31.

Лакофф, Дж. (1995) Когнитивная семантика // Язык и интеллект: сб. науч. ст. М.: Прогресс. С. 143–184.

Михайлин, В. Ю. (2005) Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М.: Новое литературное обозрение.

Михальская, А. К. (1996) Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Академия.

Степанов, Ю. С. (1994) Пространства и миры — «новый», «воображаемый», «ментальный» и прочие // Философия языка: в границах и вне границ. Т. 2. Харьков: Око. С. 3–18.

Структуры представления знаний в языке: сб. научно-аналитических обзоров. (1994) М.: ИНИОН РАН.

Топоров, В. Н. (1983) Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М. С. 227–284.

Юнг, К.-Г., Фуко, М. (2007) Матрица безумия. М.: Алгоритм; Эксмо.

Fauconnier, G. (1998) Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Camb. Univ. Press.

Lakoff G. (1987) Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press P. 5–15, 39–48, 56–57.